

A high-contrast, black and white portrait of Joseph Stalin, rendered in a style that looks like a photocopy or a high-contrast photograph. He is shown from the chest up, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt and a dark tie. His eyes are closed or looking down, and he has a serious expression. The background is a solid, dark color.

ЮРИЙ
МУХИН

СТАЛИН

ХОЗЯИН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Юрий Мухин

**Сталин – хозяин
Советского Союза**

«Алисторус»

2019

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Мухин Ю. И.

Сталин – хозяин Советского Союза / Ю. И. Мухин —
«Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907024-90-8

Как пишет в своей книге Юрий Мухин, «правлящий режим России отличается тем, что у него никогда нет денег для России. То российскому режиму на Западе кредитов не дают, то, наоборот, он сам деньги американцам в кредит отдал под смешные проценты. И головы в телевизоре все время сочувственно кивают: что же тут поделать – нет у России денег! Эта книга о настоящем хозяине страны – о настоящем экономисте, который начал с того, что создал деньги практически из ничего, а потом с их помощью обеспечил такой экономический рост государства, который до сих пор никому в мире не снился». При этом в книге нет бездумного преклонения перед Сталиным, как это может показаться из ее названия, – автор аргументированно излагает хозяйский подход Сталина к управлению страной, рассказывает, как за 20 лет Россия стала ведущей мировой державой. Книга Ю. Мухина интересна как с исторической, так и с экономической точек зрения и не случайно продолжает вызывать широкий читательский интерес.

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-907024-90-8

© Мухин Ю. И., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Сталин – хозяин СССР	5
Хозяин СССР и «научное» быдло	5
Золотой рубль без золота	14
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Мухин

Сталин – хозяин Советского Союза

Сталин – хозяин СССР

Хозяин СССР и «научное» быдло

Сталин и «ученые-экономисты»

В 1999 г. А.П. Паршев написал книгу «Почему Россия не Америка», в которой показал, что не только иностранные капиталисты не будут строить в России никаких производств, но и местные воры, т. н. «олигархи», строить предприятия будут не в России, а в странах с теплым климатом и близким выходом к океану. Официальная «экономическая наука» долго терпела, стараясь эту книгу замолчать, но к чести русских, они еще не отупели полностью, и книга Паршева продолжала продаваться. Студенты начали задавать неудобные вопросы по этой книге, официальной «науке» стало неприлично молчать. Начали появляться рецензии, но в связи с ними мне бы хотелось поговорить не о книге (прочтите ее сами и сами составьте свое мнение), а о том образовании, которое получают сегодня молодые люди.

Дети есть дети и вряд ли имеется много родителей, которые бы не задумывались о будущем своих детей и, в частности, «кем работать им тогда, чем им заниматься». Очень многие сегодня мечтают о том, чтобы их дети смогли достигнуть успеха в бизнесе и охотно тратят порою очень серьезные деньги на то, чтобы предоставить детям наилучшее экономическое образование, благо сегодня полно разных академий и университетов, готовых его дать. При этом, правда, родительское беспокойство о будущем детей игнорирует тот факт, что в бизнесе нет примеров того, чтобы успехов (хотя бы на порядок меньших, чем у Форда, Билла Гейтса или у Джорджа Сороса) достиг кто-либо, кто получил это самое пресловутое «экономическое образование».

Задумаемся о том, чем является то, что мы стремимся дать детям в этих университетах? Это некие знания, которые профессора заставляют заучить наших детей перед тем, как вручить им диплом. Но что это за знания, нужны ли они кому-нибудь, можно ли с их помощью совершить какое-либо разумное действие в реальном бизнесе? Знают ли ученые-экономисты что-либо такое, что было бы нужно не лично им для защиты диссертаций и получения академических званий, а в реальной жизни? А как же иначе! – воскликнут многие, но я снова позволю себе в этом усомниться.

Вообще-то понять, что именно знают об экономике профессора экономики очень не просто, поскольку они настолько насыщают свои тексты заумью иностранных слов, что чаще всего невозможно понять, о чем они говорят. Хотя, казалось бы, экономика это всего лишь наука о ведении хозяйства и, как я уже неоднократно писал, ее знают и понимают все, уже в силу того, что хоть какое-то хозяйство есть у каждого. Очень редко выпадает случай, когда экономисты забываются, начинают говорить по-русски, вот тогда и можно выяснить, что именно они знают.

* * *

Итак, в журнале «Вопросы экономики» доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы Российской Академии Наук (так и хочется добавить «и прочая, прочая, прочая») В. Кудров, вместе с заведующим отделом теоретических проблем редакции этого журнала В. Фоминским, поместили рецензию на упомянутую выше книгу А. Паршева «Почему Россия не Америка» («Вопросы экономики» № 6, 2001). Поскольку книга Паршева написана очень просто и внятно, то «критиковать» ее только заумью слов эти экономисты не смогли – как ни крути, а на ясные положения приходится давать хоть сколько-нибудь внятные ответы. Кроме этого, профессор Кудров писал длинную рецензию в припадке гнева, посему свои экономические представления раскрывал вполне искренне. Вот по ним мы и можем оценить, чему учат студентов наши академики и профессора экономики.

Пара слов о причине гнева профессионалов на Паршева. Кудров с адъютантом не удержались и об этом сказали тоже, хотя в данном случае им лучше было бы промолчать. Они пишут:

«И в заключение нельзя не сказать о том, что книга А. Паршева издана большим тиражом (10 тыс. экз.), и это в то время, когда научные монографии издаются тиражом всего 500–700 экземпляров. И если непрофессиональная, дилетантская литература печатается большими тиражами, значит, на нее есть спрос. Но какой это спрос? Обывательский, чаще всего исходящий от людей ниже среднего интеллектуального уровня, неудачников, не желающих ни работать, ни учиться по-настоящему, характеризующихся бездоказательными оппозиционными политическими предпочтениями. Профессионалы должны читать совсем другое».

Понимаете, что произошло? В стране настойчиво культивируется миф о том, что в России имеются некие ученые-экономисты, и эти ученые об экономике все знают, поэтому именно они и консультируют наше правительство, получая за это деньги из казны. Именно этих профессионалов мы видим на экранах телевизоров, откуда они в качестве экспертов говорят телезрителям разные умные слова. Время от времени эти ученые-экономисты пишут умные книги-монографии. Но тиражи этих книг «смешные», поскольку для рассылки в университетские библиотеки, которые от них не могут отказаться, хватает несколько сот экземпляров, а для того, чтобы сунуть ее имениннику вместо подарка, – еще пары десятков. И все. Сдавать эти монографии на продажу в магазин бессмысленно – там их никто не купит. Вот эти экономисты и вынуждены распускать слух, что экономика настолько трудная наука, что понять ее могут только немногие избранные, почему монографии по экономике никто и не покупает – умных мало.

Так было все хорошо и вдруг приходит Паршев. И нет бы этому полковнику пограничных войск написать детектив или пособие, как провозить контрабанду через границу, а он берет и пишет книгу по основополагающим принципам экономики. И эта книга имеет бешенный успех и до сих пор является бестселлером, тираж которого уже перевалил за 100 тысяч, а ведь это не разрекламированный Гарри Потер. Паршев пишет книгу по экономике, не читая которую становится уже просто неприлично.

Что получается: «любитель» пишет классику экономики, а «профессионалы» не способны написать ничего, что можно было бы заставить прочесть хотя бы жену! Ну не обидно ли! Кроме этого, сам собой напрашивается неудобный вопрос – так у кого это умственное развитие «ниже среднего интеллектуального уровня»: у авторов монографий под тираж в 500 экземпляров или у сотен тысяч человек, желающих узнать об экономике нечто здравое?

И у профессионалов экономики Кудрова и Фоминского злоба прямо кипит. Название рецензии: «Pulp fiction (авторы сами переводят эти два английских слова двумя же русскими – «бульварное чтение», – но как иначе читатели узнают, что авторы рецензии умные, если

они не будут использовать иностранных слов?), или книга для обывателя, а не для профессионалов». Дав такое простенькое заглавие, авторы предпосылают тексту эпиграф из П. Флоренского: «Существует тайная гармония между именем человека и событиями его жизни». Дескать, автора «Почему Россия не Америка» зовут Паршев, значит и книга его паршивая. Тонкий академический юмор! Надо сказать, что даже бесцеремонные журналисты бульварной прессы и папарацци очень редко опускаются до подлой низости использования против своих оппонентов их фамилий и национальности – того, что от оппонентов не зависит.

Но хватит о Паршеве, займемся вопросом, насколько понимают принципы экономики те, кому мы доверяем учить ее будущих капитанов? И смогут ли эти будущие капитаны после такого обучения стать хотя бы матросами?

Профессор Кудров с ассистентом пишет: «Как вы думаете, кого из российских лидеров XX в. автор считает «рыночником, грамотным и последовательным» (с. 172)? Здравомыслящий человек угадать ответ на этот вопрос в принципе не может. Не потому, что ответ парадоксален, а потому, что он находится за пределами разумного, переходит в область бреда. Оказывается, рыночником, грамотным и последовательным был не кто иной, как И. Сталин!!! Ну как, уважаемый читатель?»

Тут «уважаемый читатель» должен обратить внимание на три восклицательных знака после фамилии Сталин. Один, по-видимому, означает, что Сталин как экономист гораздо хуже Джеффри Сакса, второй – что Сталин хуже профессора Кудрова, а третий – что Сталин вообще никакой не экономист.

Далее Кудров все время к этой мысли возвращается. «Вспомним экспорт зерна из России в конце XIX – начале XX века. Наша страна занимала по его объему первое место в мире и слыла житницей Европы...» – восхищается Кудров досталинской Россией. «Советскую плановую экономику А. Паршев понимает как рыночную и, повторим, квалифицирует Сталина как грамотного и последовательного рыночника (с. 172). Неужели он не читал «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталина, где тот прямо говорит о необходимости избавления от последних остатков товарного производства в СССР?» – задает Кудров коварный вопрос и итожит: «Автору импонирует сталинский мобилизационный подход (базирувавшийся на тотальной милитаризации и рабском труде многих миллионов заключенных). По всем ясным причинам повторить такой путь в современных условиях нельзя: российское общество определенно выбирает другой, более эффективный способ хозяйствования».

Отсюда определенно следует, что тот способ хозяйствования, который выбрали Д. Сакс, В. Кудров и их братья по уму, совести и чести, существенно эффективнее сталинского.

Само собой, что отсутствие знаний профессор Кудров и его помощник подменяют исключительно дерзкой ложью, даже не понято, на кого рассчитанной.

Допускаю, что Кудров не понял, о чем писал Сталин в «Экономических проблемах социализма», но как текст Сталина из этой его работы: «Товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость разворота товарооборота», – можно понять так, что Сталин призывает к «избавлению от последних остатков товарного производства в СССР», – как это пишет профессор Кудров? Но если Кудров так дерзко лжет достаточно подготовленным читателям «Вопросов экономики», то как же он лжет наивным студентам?!

* * *

А теперь я хотел бы отвлечься на один момент, хорошо известный всем хозяйственникам, но недоступный пониманию «профессионалов-экономистов». Это миф об эффективности труда заключенных. Ведь не только Кудров об этом пишет, любое упоминание об успехах

наших отцов и дедов отшибают тезисом, что эти успехи были достигнуты благодаря «рабскому труду многих миллионов заключенных».

Заключенный – это человек, который через 3–4 года собирается поменять работу в связи с выходом на свободу, поэтому он не стремится осваивать профессию и в связи с этим работает крайне неэффективно. В СССР все министерства и предприятия отчаянно отбивались от навязываемых МВД «зон» с заключенными из-за их крайней убыточности. Ведь к плохим работникам добавляется еще 10–11 %, а порой и 30 % их конвоя и obsługi, бессмысленные затраты на содержание заборов, сигнализации и т. д. И в сегодняшней России об этом знает каждый, кто имеет хоть какое-то отношение к экономике. Даже ГУЛАГ при Сталине был убыточен и дотировался бюджетом. Да что ГУЛАГ с его урками, предателями, болтливой и безрукой интеллигенцией – даже немцы и японцы цветущего возраста за почти 14 лет существования лагерей с военнопленными так и не стали прибыльными (С. Карнер. Архипелаг ГУПВИ. М., РГГУ, 2002, с. 171.). И, повторю, дело даже не в непроизводительных расходах. После войны были строительные батальоны из пленных и интернированных немцев, они работали без конвоя, как обычные советские строительные тресты, тем не менее, и немцы в массе своей не достигали выработки норм, обычных для советского свободного строителя, и, разумеется, тоже были убыточны. «Экономистам-профессионалам» это и так полагалось бы знать уже в силу того, что это надо знать и студентам.

Его достижения

Но вернемся к Сталину, Саксу и бухгалтерским книгам. Поскольку цифры СССР ныне считаются Кудровым «дутыми и наивными», воспользуюсь цифрами американского профессора из Хьюстонского университета Пола Грегори.

Часто можно слышать такой вывод: после крестьянской реформы 1861 г. Россия, дескать, начала развиваться ускоренными темпами и, мол, безо всякого социализма и Сталина она вошла бы в число развитых стран – и так «житницей Европы» была, уверяет нас профессор Кудров. Но вот что показало исследование Пола Грегори. В 1861 г. душевой национальный доход России составлял примерно 40 % по сравнению с Германией и 16 % по сравнению с США. Прошло более 50 лет и в 1913 г. – уже только 32 % от уровня Германии и 11,5 % от американского уровня. Разрыв, как видите, увеличился – Россия неуклонно отставала от США.

В 1913 г. на долю России приходилось немногим более 4 % мировой промышленной продукции, в то время как ее население составляло 9 % от населения мира. Это означает, что на душу населения в России производилось в два с лишним раза меньше продукции, чем в остальном мире, включая Азию, Африку и Южную Америку, т. е. самые нищие регионы мира. И вот, к середине 80-х годов удельный вес населения СССР сократился до 5,5 %, но зато доля промышленной продукции Советского Союза в мировом объеме достигла уже 14,5 %! Именно эта цифра названа в статистическом сборнике, который ежегодно готовит ЦРУ Соединенных Штатов. По этим американским данным, уровень промышленного производства в Советском Союзе на душу населения почти вдвое превышал мировой уровень! Но ведь с точки зрения динамики это означает, что за 70 лет Советской власти промышленность в СССР развивалась в 6 раз быстрее, чем в остальном мире, причем основной рост был достигнут при Сталине! («Коммунист» № 1, 1991). Вот где надо ставить три восклицательных знака.

Ну, так как, профессор, свернул Сталин товарное производство в России или развернул? Паршева читать не хотите, так хоть американских коллег послушали бы. По данным того же Хьюстонского университета и ЦРУ, если взять такой обобщающий показатель, как национальный доход, то он в 1985 г. составлял 57 % от национального дохода США, а в пересчете на душу населения – 46,2 %, вместо 11,5 % в 1913 г. Значит, национальный доход в СССР за этот период рос в 4 раза быстрее американского.

Но вот до управления экономикой России дорвались, наконец, профессионалы типа докторов экономических наук Кудрова, Бунича, Пияшевой, Гайдара, Явлинского, Кириенко, Хакамады и несть им числа. И что случилось с товарным производством России и его обобщающим показателем – национальным доходом?

У меня «Российский статистический ежегодник». Вот успехи, которые достигли эти профессионалы при очевидной натяжке цифр: в 1994 г. национальный доход России упал до 55 % по сравнению в 1989 годом (Российский статистический ежегодник. 1995. М., Госкомиздат, 1995). Напомню, что когда в 1941 г. фашисты начали войну с СССР и под оккупацией оказались Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, Украина и огромные территории России, наибольшее падение национального дохода произошло в 1942 г., но и тогда он составлял 66 % от уровня 1940 года (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1985). Наши академические экономисты-профессионалы, понимаешь, будут посильнее этих пресловутых манштейнов и гудерианов – немецких генералов.

Ну и как же при таком сравнении цифр Паршев мог написать, что Сакс с Кудровым это экономисты, а Сталин – нет? Паршев же не профессор экономики...

* * *

Вообще складывается впечатление, что напоминание о Сталине для наших «экономистов-профессионалов» из РАН равносильно напоминанию грешнице о преисподней: они перестают понимать, что пишут и говорят. Вот профессор Кудров брызжет слюной:

«Благодаря высочайшей квалификации сталинских экономистов, пишет А. Паршев, удавалось рассчитывать цены таким образом, чтобы и товарного дефицита не было, и не оставалось непроданного товара № (с. 170). Фантастическое утверждение, просто нет слов!!! Никто никогда не видел многосотметровые очереди за хлебом, никто никогда не слышал криков «больше двух в руки не давать», никто никогда не держал в руках карточки. А может, А. Паршев жил в другой стране? Кстати, это может быть правдой: советская номенклатура с точки зрения обеспеченности товарами действительно жила в другой стране. И не здесь ли кроются истоки восхищения сталинской эпохой? Мы же со своей стороны порекомендовали бы А. Паршеву почитать Я. Корнай, который строго доказал, что дефицит органически присущ социалистической экономике.

Обратим внимание и на то, что гордящийся своей эрудированностью автор не открывал советских статистических сборников, в которых содержатся данные о непроданных запасах товаров, достигших в торговле и промышленности 100 млрд. руб. (10 % ВВП), неустановленного оборудования – 20 млрд. руб. (9 % от капвложений)), о незавершенном строительстве, по объему практически равном годовым инвестициям».

Мне уже почти 60 лет, но и я никогда не видел «многосотметровых очередей за хлебом», поскольку их в СССР не видел никто. Что касается непроданных месячных запасов товаров в СССР, то их, конечно, видели все, да и как можно было не видеть магазины, забитые отечественными телевизорами, радиоприемниками, магнитофонами, холодильниками, стиральными машинами, mopедами, мотоциклами и всеми остальными товарами, которые тогда настойчиво призывали покупать в рассрочку, а сегодня они в России совсем или почти совсем не производятся. По очереди надо было покупать легковые автомобили, но в начале 80-х и ими затоварились, в связи с чем, мой товарищ купил «Москвич» с рассрочкой на три года.

Экономист А. Виноградов о тех годах сообщал: «Но, может быть, в России нет техники и оборудования? Ничего подобного. Россия производит 17,9 % мировой машиностроительной продукции, из них 22 % мирового производства металлорежущих станков, 46 % комбайнов, 11,3 % оборудования для пищевой промышленности, 63,2 % энергетического оборудования,

27 % самолетов, до 50 % военной техники, 21 % грузовых автомобилей и только 4,8 % легковых.

Таким образом, наша страна является одним из крупнейших поставщиков машиностроительной продукции. И хотя Россия производит лишь 17,9 % машиностроительной продукции, а Капстраны – 73,1 % (без КНР), о чрезвычайно высоком качестве нашего оборудования свидетельствует то, что на нем работает 35 % базовых отраслей промышленности КНДР, 36 % – Индии, 45 % – Ирана, 65 % – Пакистана, 20 % – Турции, 50 % – Алжира, 25 % – Египта, 50 % – Ливии. А это отнюдь не отсталые страны... Страна произвела в 1990–1991 гг. (в год) 13,2 млрд. квадратных метров ткани, или 37,8 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ – 32 кв. м на человека). В том числе 75 % мирового производства льняных тканей, шелка 12 %, хлопчатобумажных 13 %, шерстяных – 19 % – 2,6 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ – 2,4 кв. м, США – 0,7 кв. м).

Трикотажных изделий в СССР было произведено 22 % мирового, т. е. в 2,5 раза больше Японии.

Чудовищный дефицит обуви стал уже притчей во языцех, но ведь у нас в стране производится 27 % мирового производства кожаной обуви, в 4 раза больше, чем в КНР, в 6 раз больше, чем в США, в 3 раза больше, чем в Японии.

Вот вам и нехватка. Даже в 1991 г. в стране возросло производство стиральных машин на 5 %, магнитофонов на 8 %, пылесосов на 7 %, мясорубок на 3,5 %, магнитол на 3,4 %, швейных машин типа «Зигзаг» на 2 %, а остальное осталось примерно на уровне 1989–1990 гг. СССР произвел 9–10 млн. телевизоров (10,9 % мирового производства, ФРГ – 5 млн., Япония – 12 млн.). Электропылесосов – 6 млн. шт. (12,4 % мирового производства, Япония – 6,6 млн., ФРГ – 4,6 млн.). Утюгов мы производим 16 млн. шт. (15 % мирового производства), холодильников – 6,5 млн. шт. (17,4 % мирового производства, Япония – 5 млн.), стиральных машин – 6 млн. (12,6 % мирового производства, Япония – 4 млн., ФРГ – 2 млн.), фотоаппаратов – 3 млн. шт. (4,4 % мирового производства), часов – 72 млн. шт. (17,1 % мирового производства)»...

* * *

Ну да ладно, хочу обратить внимание на неспособность профессора Кудрова удержать в голове две мысли сразу, а его ассистент Фоминский в этом деле ему оказался не помощник. Если некий корифей Я. Корнай кому-то «строго доказал, что дефицит органически присущ социалистической экономике», то тогда откуда же взялись в «торговле и промышленности» «непроданные запасы товаров»? Надо бы профессору Кудрову поучиться логике у колобков из известного мультфильма «Следствие ведут колобки», которые в подобном случае делали вывод: «Или что-то случилось, или одно из двух!». И тут уж одно из двух: или дефицит, и тогда полки магазинов пусты, или затоваривание, и тогда полки магазинов ломятся от непроданного товара.

А то ведь эти наши «колобки» просто проигнорировали, что Паршев писал о сталинских экономистах, а не о том безобразии, которое ввели в экономике СССР ученики профессора Кудрова и его коллег после прихода к власти Горбачева. Кстати о карточках. Из текста следует, что профессор не понимает, что это такое. Поясним эксклюзивно профессорам: карточки – это дополнительный денежный доход того, кому они предназначены. Экономист должен понимать, что если хозяин помимо обычного дохода предоставляет работнику еще и дополнительный, то это сильный хозяин.

Кому они нужны?

Как только у руля России стали профессионалы типа профессора Кудрова, карточки исчезли. А каков результат? Обратимся к уже упомянутому статистическому ежегоднику. Потребление продуктов питания в России (не производство, а потребление, вместе с «ножками Буша» и мясом бешеных коровок из Англии) упало в 1994 г. по сравнению с 1990: мяса и птицы – более чем в 2 раза; колбасы – почти в 2 раза; молока и молочных продуктов – в 2,5 раза; даже картофеля стали есть меньше почти в 3 раза! (По данным Счетной палаты России, потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в среднем по стране в 2001 году снизилось по сравнению с 1990 годом с 70 до 42 кг., в Москве со 105 до 65 кг., молочных продуктов с 400 до 220 кг., в Москве с 440 до 250 кг.)

А вот, что осталось к 1995-му от производства тканей, обуви и товаров длительного пользования: тканей – 26 %, (в том числе льняных – 27 %, шелка – 23 %, шерстяных – 19 %, хлопчатобумажных – 27 %), обуви – 20 %, стиральных машины – 39 %, магнитофонов – 21 %, пылесосов – 35 %, швейных машин – 23 %, телевизоров – 47 %, утюгов – 31 %, холодильников – 71 %, фотоаппаратов – 24 %, часов – 43 %.

Но зато, скажут мне, мы теперь имеем самые лучшие заграничные товары! Я рад за вас, но почему же вы их не покупаете? По материалам Счетной палаты России, к примеру, в 2001 году телевизоров куплено в два раза меньше, чем в 1990, а стиральных машин – в два с половиной раза. Но зато, возразят мне, мы теперь свободные люди можем свободно ехать, куда угодно! Замечательно! Но почему же не ездите? По тем же материалам, пассажирские грузоперевозки железнодорожным транспортом международного и междугородного сообщения в 2001 году снизились вдвое по сравнению с 1990-м, а авиатранспортом – чуть ли не в четыре раза (С. Глазьев и др. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2002 гг., М., ЭКСМО, «Алгоритм», 2004).

Да, заслуги профессора Кудрова и его коллег перед Россией трудно недооценить. Даже малограмотному суду. Профессионалы!

Причем, это «профессионалы» такого толка, что реальной экономики они либо не видят, либо не понимают, либо не видят потому, что не понимают. Вот профессор пишет: «...По мнению А. Паршева, Россия вовсе не богата сырьем и добывать его экономически невыгодно («В России не так уж много сырьевых месторождений, пригодных для разработки в условиях мирового рынка». – с. 62). Напрасно некоторые российские академики-экономисты говорят об огромной природной ренте и необходимости ее налогового изъятия в пользу всего общества. Но и сырьевым придатком Запада России суждено быть не более чем 5—10 лет».

Оказывается, по мнению академиков и примкнувшего к ним профессора Кудрова, нет ничего выгоднее, чем покупать в России землю и платить за нее ренту российскому режиму. Я не знаю, как это вежливо назвать, давайте назовем это академическими мечтаниями. Профессор Кудров эти мечтания излагает так безапелляционно, как будто кроме читателей «Вопросов экономики» в реальной жизни России осталось еще много кретинов.

Многие ли напрочь забыли, как экономическая звезда Л. Пияшева в многотиражной тогда «Литературной газете» мечтала, что если цены отпустить, то цены на продукты поднимутся всего-ничего и морковка будет стоить не более 40 коп. Ее на страницах «Литературки» отталкивал академик П. Бунич, который мечтал, что если цены отпустить, то производство свинины возрастет вдвое («Литературная газета» № 22, 1990, с. 10.). Гайдар цены отпустил. Где морковка за 40 коп, где свинина? В 1998 г. очень немногие экономисты (в том числе, кстати, и Паршев) предупреждали, что к концу лета пирамида ГКО рухнет и рубль обесценится, но экраны забила академические мечтатели, которые убеждали, как и Кудров в этой рецензии, что «нет оснований для паники». А результат?

Теперь Кудров убеждает, что надо вкладывать деньги в природные ресурсы – в землю России – и тогда неслыханно разбогатеешь сам, а правительство разбогатеет на ренте, которую ты будешь ему платить. В Москве земля очень дорогая, но почему-то у владельцев земли под заводом АЗЛК не было денег заплатить не только ренту, но даже за электроэнергию. Кстати, сообщение о том, что производство автомобилей «Москвич» полностью прекращено, пришло в одном блоке новостей с сообщением, что правление концерна «Лукойл» приняло решение вложить 300 млн. долларов в развитие добычи нефти... (в Татарии? в Сибири? на Дальнем Востоке?)... в Перу! (То есть, российские инвесторы делают то, о чем предупреждает в своей книге Паршев). Там, в Перу, оказывается, добывать нефть в три раза дешевле. Ну, какой бы академик мог подумать!

* * *

Не надо считать, что я для примера специально выбрал какого-то исключительного в своем умственном развитии профессора. Нет, другие еще круче. Вот доктор экономических наук, профессор из Института мировой экономики и международных отношений все той же Российской академии наук Ю.В. Шишков. (Какая же у нас страна богатая, сколько в ней контор с «профессионалами» сидит на шее бюджета!) Он по поводу Паршева отписался так:

«Как-то неловко объяснять столь самоуверенному оракулу, что он несет явную чушь. Прежде всего, относительно того, что из-за особо холодного климата Россия имеет самые большие в мире затраты энергии для обогрева жилых, производственных помещений и оборудования, а значит, повышенные издержки производства, которые делают российскую продукцию неконкурентоспособной. По данным Всемирного банка, в 1995 г. энергопотребление на душу населения России составило 4079 кг в пересчете на нефтяной эквивалент. Если даже отбросить богатые дешевой нефтью страны Персидского залива, то впереди нас по этому показателю в 1995 г. были 14 стран, в том числе США (7905 кг), Канада (7879 кг), Сингапур (7162 кг), Швеция (5736 кг), Финляндия (5613 кг), Норвегия (5436 кг), и даже Германия (4156 кг) и Франция (4150 кг).

Паршеву и в голову не приходит, что уровень энергопотребления определяется не столько температурными условиями, сколько уровнем технико-экономического развития страны. В тропическом Сингапуре потребление энергии в 1,7 раза выше, чем у нас, а в США, расположенных в несравненно более комфортной климатической зоне, чем Россия, – почти вдвое. И большинство этих стран вынуждено импортировать энергоносители по мировым ценам, которые ощутимо выше наших внутренних цен. Так кто же в худшем положении с точки зрения конкурентоспособности в паршевском ее понимании (соотношение выручка/издержки)?», – ехидно вопрошает Шишков («Мировая экономика и международные отношения» № 12, 2001).

Что можно ответить профессору, блестяще, с цифрами в руках доказавшему, что в США и Сингапуре затраты энергии «на обогрев жилищ, производственных помещений и оборудования» вдвое выше, чем в Сибири? И что Россия вывозит нефть, принадлежащую нашим детям и внукам, только потому, что бедные американцы во Флориде «вынуждены» ее покупать по любой цене, иначе, видно, вымерзнут как мамонты. О чем можно дискутировать с профессионалом, не видящим разницы между затратами энергии на производство единицы продукции и расходом ее на комфорт в данной стране в расчете на одного человека?

Как-то довольно давно мой знакомый милиционер, опустив в стакан медицинский градусник, доказывал мне, что градусы на бутылочной наклейке и градусы на термометре это одно и то же. Бедняга так и ушел на пенсию младшим лейтенантом, а Шишков, смотри-ка, уже профессор! Да, совсем без мозгов в милиции карьеру сделать трудно, это тебе не наука...

Могут сказать – стоит ли обращать на этих «экономистов» внимание? Мало ли у нас «профессионалов», присосавшихся к бюджетной титке? Российская академия наук чмокает из нее еще и не в числе первых.

Да если бы они только сосали, но ведь они еще и вдальбливают свою глупость в головы тех, кто сменит нас!

Все понимают, что есть пропаганда, есть пиар – есть ложь, направленная на оболванивание избирателя. Но ведь хотелось бы, чтобы хоть в университетах говорили правду. Предположим, что избирателю надо говорить, что $2 \times 2 = 8\frac{1}{2}$, пусть так, но при этом хотелось бы, чтобы на математических факультетах все же учили, что $2 \times 2 = 4$. Иначе, какой смысл посылать детей учиться – оболванят их и у телевизора «за бесплатно». А какую правду могут сказать студентам профессор Кудров с коллегами? Что будет с молодым человеком в реальном бизнесе, если он заучит то, что знает профессор Шишков?

Предположим ученику Кудрова или Шишкова не повезет, и он не сможет устроиться в команды Грефа или Илларионова. И ему придется поступить в реальный крупный банк, владеющий контрольными пакетами акций многих предприятий. Положим, у банка просят кредит два предприятия, одно из которых как у Сталина ежегодно удваивает объем продаж, и предприятие, которое как у Сакса ежегодно снижает объем продаж вдвое. И наш умник полезет советовать руководству банка дать кредит второму предприятию, потому, что им руководит «настоящий рыночник», а первым, дескать, не настоящий. Как руководители банка посмотрят на дурака, который не способен оценить эффективность предприятий по результатам? Затем полезет советовать снять с должности директора, который по карточкам продает своим сотрудникам товары по себестоимости. Посоветует заключить договор с Минюстом на работу на отстающих предприятиях банка эков, поскольку при Сталине, дескать, все успехи достигались рабским трудом заключенных. Посоветует покупать месторождение сырья в Сибири, а не на побережье Африки, поскольку в Сибири затраты энергии в 1,7 раза ниже, чем в Сингапуре. В общем, будет выдавать начальству все то, чему его обучили «профессионалы». Что сделают реальные бизнесмены с таким профессионалом-экономистом? Правильно: определяют на почетную должность сторожа автостоянки у банка. А куда еще деть такого отморозка?

* * *

Надеюсь, прочитав этот раздел вы поймете, что именно имел в виду Генри Форд, когда писал: «Я никогда не беру на службу чистокровного специалиста. Если бы я хотел убить своих конкурентов нечестными средствами, я бы предоставил им полчища специалистов. Получив массу хороших советов, мои конкуренты не могли бы приступить к работе».

Так не лучше ли пойти путем Генри Форда (который не тратил ни 5 лет жизни, ни деньги на обучение в университете у подобных профессоров) и сразу после школы поступить на фирму в обучение к реальным экономистам? Сорос в 1949–1951 гг. посещал Лондонскую школу экономики, но увлекался там философией. Лекции по экономике в этой Школе читал не профессор Кудров, а будущий Нобелевский лауреат Джон Мид, но и о его лекциях Сорос впоследствии сказал, что «не много почерпнул из этого курса» (Р. Слейтер. Сорос. Жизнь, деятельность и деловые секреты величайшего в мире инвестора. Харьков, Фолио, 1996 г. с. 59)

Но, как вы поняли, подавляющая масса нынешних «экономистов» смотрит на Сталина, образно скажем, отца многодетной семьи, глазами импотентов, понимающих, что у них не только детей никогда не будет, но и не знающих, как их сделать.

А мы в этой книге рассмотрим, как Сталин пользовался одним из основных инструментов хозяйствования – деньгами, как и с их помощью, в том числе, он достиг таких никем не виданных успехов в экономике, которые до сих пор не мыслимы ни для одной страны.

Золотой рубль без золота

А для познания сути сегодняшнего состояния экономики России, сути и роли денег в ней, по сравнению со сталинским СССР, я возьму нам в провозачье не какого-нибудь академика, а действительно специалиста, знавшего, что такое деньги и как ими пользоваться.

После Великой Отечественной войны возникла необходимость упорядочить рынок Советского Союза и его денежную систему. В связи с этим, к 8 октября 1946 г. министр финансов СССР А.Г. Зверев подготовил председателю Совмина СССР И.В. Сталину доклад под грифом «Совершенно секретно», в котором подробнейшим образом дал историю денег в СССР к тому времени. Эта история уникальна уже тем, что написана компетентнейшим специалистом своему еще более компетентному руководителю, т. е. абсолютно точна и не содержит никакого пропагандистского приукрашивания. Правда, из-за этого остаются за кадром целый ряд моментов, которые были понятны Сталину и Звереву, но могут быть не знакомы обычному нынешнему читателю. Поэтому я своими комментариями, постараюсь восполнить эти пробелы. Итак.

Зверев: «Денежная система, существовавшая в России до первой мировой войны 1914–1917 гг., была создана в 1897 году в результате так называемой реформы Витте. Эта реформа была продиктована нуждами быстро растущего капиталистического хозяйства России. В создании твердой золотой валюты были заинтересованы также иностранные банки и монополии, экспортировавшие в Россию свои капиталы (Англия, Франция, Германия, Бельгия и др.).

Реформе предшествовали в течение ряда лет меры по укреплению бюджета и накоплению большого по тому времени золотого запаса, составившего к моменту реформы свыше одного миллиарда рублей.

Накопление такого золотого запаса было достигнуто путем форсирования экспорта хлеба за счет снижения внутреннего потребления населения, при крайнем усилении налогового пресса, подрывавшего крестьянское хозяйство.

Реформой была проведена девальвация, т. е. снижение на одну треть золотого содержания рубля (10 прежних рублей были приравнены к 15 новым рублям). Реформой был установлен размен кредитных билетов на золотую монету по новому курсу.

В результате денежной реформы Витте, в России утвердилась классическая форма золотой валюты с обращением золотых монет, которые правительство стремилось внедрять в обращение. В качестве денежной единицы был принят рубль, содержащий 17,424 долей чистого золота.

Несмотря на большой золотой запас, валютное и финансовое положение царской России было весьма непрочным. Об этом свидетельствовали огромная внешняя задолженность и слабость государственного бюджета, на что неоднократно указывал Ленин». (Здесь и далее цитируется по: «Источник» № 5, 2001, с. 21–55).

Автор: Я уже писал, что, по исследованиям профессора Хьюстонского университета Пола Грегори, при царе средний русский был не только беднее американца и немца, но с каждым годом становился все беднее и беднее.

А между тем у более подготовленного читателя цифры Хьюстонского университета могут вызвать недоумение. Дело в том, что часто можно встретить несколько иной подход к оценке ситуации, хотя и без ее объяснения. Скажем Н.Н. Яковлев в книге «1 августа 1914 г.», изданной еще в 1974 г., когда царскую Россию не принято было хвалить, сообщает:

«По общим экономическим показателям Россия отстала от передовых промышленных стран. Но в то же время российская буржуазия доказала свою оборотистость, умение налаживать производства, когда непосредственно затрагивались ее интересы. Примерно на протяжении тридцати лет до начала Первой мировой войны (с 1885 г.) Россия занимала первое место

в мире по темпам экономического роста. Если в период 1885–1913 гг. промышленное производство в Англии увеличивалось в год на 2,11 %, в Германии – на 4,5, в США – на 5,2, то в России – на 5,72 %».

Становится непонятно: как так? Тридцать лет подряд России увеличивала свое производство быстрее всех, т. е. как будто бы догоняла самые передовые страны, а разница в среднемудушевом доходе русского и американца с немцем все время возрастала. Как так может быть?

Да просто тогда было не намного лучше, чем сегодня. Тогдашнему последнему царю придурку навесили лапшу на уши, что России «нужны западные инвестиции», что она должна снять защитные барьеры и «войти в мировой рынок», что «рубль должен быть конвертируемый» и т. д. Николай II согласился со своими уродами-советниками, и в Россию хлынул иностранный капитал. Он действительно строил предприятия по добыче и переработке российского сырья, и объемы производства в России росли быстрее, чем в других странах. Но большая часть этого прироста тут же вывозилась за рубеж в виде процентов за кредиты и дивидендов с западных капиталов, для чего и требовался конвертируемый золотой рубль.

С 1888 по 1908 годы Россия имела положительный торговый баланс с остальными странами в сумме 6,6 миллиарда золотых рублей, т. е. ежегодно на 330 миллионов золотых рублей вывозилось больше, чем ввозилось. По тем временам сумма в 6,6 миллиарда рублей в 1,6 раза превышала стоимость всех российских промышленных предприятий и оборотных средств на них в 1913 году. Иными словами, построив два предприятия в России, Запад на деньги России строил три предприятия у себя. (Заграничных предприятий России за рубежом было всего лишь на несколько сот миллионов рублей в виде железных дорог в Китае и на севере Ирана). Такие тогда были «западные инвестиции». Сегодня они во сто крат хуже.

Поэтому-то среднемудушевой доход ограбляемой таким способом царской России рос медленнее, чем среднемудушевой доход тех стран, которые своими кредитами и «инвестициями» Россию грабили. Производил-то русский все больше и больше, а получал все меньше и меньше.

Дадим немного конкретики. А. Коний пишет: «Очень хорошо, на фактическом материале показана экономика дореволюционной России, например, в учебнике Э. Лесгафта «Отечественное хозяйство», изданном в 1913 году. Вот что там говорится о сельском хозяйстве. В 1910–1913 годах в России годовой сбор зерна составил 5 млрд. пудов (82 млн. тонн). Урожайность составляла всего 8 центнеров с гектара. Несмотря на низкие сборы, России вывозила ежегодно за границу до 10 млн. т зерна. Но потребляемого хлеба приходилось в России 345 кг на человека в год, а в США – 992 кг, в Дании – 912 кг, Франции – 544, Германии – 432. Сахара же потреблялось в год на одного жителя в России только 6 кг, тогда как в Англии – 32, в США – 30, в Германии и Швейцарии – 16» («Советская Россия», 09.12.1995, с. 3.).

* * *

Итак, имея сама очень небольшое по сравнению с другими странами производство, Россия, тем не менее, экспортировала и хлеб, и сахар. Из-за крайне сурового климата (длинная и суровая зима, часто засушливое лето) и географических условий (плохие водные пути и большие расстояния) затраты на производство и сельхозпродукции, и промышленной продукции в России были выше чем в других странах. И чтобы продавать что-то на экспорт, это что-то нужно было скупать в России по столь низкой цене, что рабочему и крестьянину почти ничего не оставалось. Так и делали, после сбора урожая купцы устанавливали низкие цены на зерно, но крестьянин вынужден был его продавать, поскольку обязан был заплатить налоги. Получалась довольно издевательская ситуация, к примеру, немцы, учтя это обстоятельство и то, что в России нет ввозных пошлин на зерно, покупали в Германии наше же зерно, ввозили его в Россию, здесь мололи и российским же гражданам и продавали. В 1913 г. они таким образом вернули в Россию 12 млн. пудов. Рыночная цена печеного хлеба внутри России была гораздо

выше экспортной цены. Из пуда (килограмма) зерна получается больше пуда печеного хлеба плюс отруби, в 1913 г. в достаточно дешевой Москве пуд печеного хлеба стоил 2 рубля, а пуд вывезенного за границу зерна – 91 коп., т. е. немцам было на чем заработать (Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., «блиц», 1995, с. 217–218).

Императорская статистика скудна в плане исследования уровня жизни 85 % населения страны – крестьян – и оперирует в основном только общими цифрами. Со времени после отмены крепостного права (1861 г.) количество населения России более чем удвоилось (по переписи 1858 г. – 74 млн. человек, по расчетам 1914 г. – 178 млн. человек), но количество лошадей в России за это время сократилось на 33 %. Это еще можно понять, поскольку в это время быстро развивалась железнодорожная сеть страны, но как понять, что одновременно количество крупного рогатого скота сократилось на 29 %, а мелкого – на 51 %! («Отечественная история» № 2, 2002, с. 37). Ведь реально получается, что при крепостном праве крестьянин ел мяса в три раза больше, чем при пресловутой свободе и разгуле частного бизнеса. Мясо Россия не поставляла на экспорт из-за трудностей перевозки, мясо Россия импортировала как сегодня «ножки Буша» и английскую говядину от бешеных коровок (в 1913 г. – на 28 млн. рублей). Поэтому единственным удобным для экспорта товаром было зерно. Вот его и заставляли крестьян выращивать, для чего те запахивали луга, пастбища и сенокосы, снижая поголовье собственного скота. Князь Багратион, полковник генштаба русской армии (надо думать, потомок героя 1812 года), в 1911 году писал: «С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40 процентов новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».

А по городским жителям статистика есть. Если при крепостном праве средний горожанин потреблял в день продовольствия энергетической емкостью 3353 ккал, то в 1900–1916 гг. уже 3040 ккал. Свободно конвертируемый рубль и алчность частных предпринимателей требовала своего...

Я двадцать два года проработал на металлургическом заводе. По сравнению с металлургами царских времен нам платили зарплату не полностью, так как государство за нас строило квартиры, отапливало их, оплачивало путевки в дома отдыха, платило врачам и за обучение. А при царе металлург обязан был за все это платить сам и очень не мало. (Скажем, юный Сталин с отличием окончил духовное училище, но в семинарию его взяли с условием оплаты обучения (40 рублей в год), общежития и обедов (100 рублей в год), и, по некоторым данным, его отчислили из семинарии не столько ввиду его революционной деятельности, которую еще терпели, сколько из-за того, что ему нечем стало за обучение платить). Следовательно, доля зарплаты в себестоимости металла у царского металлурга должна была бы быть намного больше, чем доля зарплаты советского металлурга. У нас на заводе зарплата рабочих и служащих составляла 10–11 % от себестоимости металла, а вот что получается с зарплатой царского металлурга.

При стоимости пуда конвертерной стали (южные заводы) в пределах 70 копеек, жалование рабочим и служащим у бессмеровских конвертеров составляло от 0,99 до 1,25 коп. на пуд, а у томассовских от 1,6 до 2,4 коп. То есть, от 1,4 до 3,4 %. Это значит, что для того, чтобы уравнивать русскую сталь с ценой тех стран, где производить ее дешевле (а ее везде дешевле производить, нежели в России), из рабочих выжимали все соки, практически ничего им не платя. В конвертерном цехе в 1913 г. из 261 человека только три сменных старших мастера получали по 10 рублей за 12-ти часовую смену, а средний металлург за эту смену получал 1 руб. 68 коп. Это при том, что металлурги всегда были в числе высокооплачиваемых профессий (Справочник красного директора. Ленинград, Сев. – зап. Промбюро ВСХН, 1925, с. 193–217).

Сделав рубль свободноконвертируемым (вводя обязательный обмен его на золото) и войдя в мировой рынок (уравнивая цены на товары на нем и у себя), царское правительство даже с ввозными пошлинами выжимало из народа все соки, фактически только во имя одной цели:

чтобы российские бизнесмены и аристократы могли без проблем покупать на Западе предметы роскоши и прожигать жизнь в тамошних центрах развлечений.

* * *

Но продолжим чтение доклада.

Зверев: «Вступив в 1914 году в Первую мировую войну и исчерпав в короткий срок все свои бюджетные резервы, царское правительство было вынуждено в начале войны специальным законом отменить размен кредитных билетов на золото и стало прибегать к выпуску бумажных денег в больших размерах для финансирования военных расходов.

В 1914–1915 гг. денежная масса в обращении увеличилась в два с лишним раза; однако, состояние денежного обращения было все еще сравнительно благополучным. Некоторое расширение хозяйственного оборота в 1914–1915 гг. под влиянием военных заказов и закупок продовольствия для армии увеличивало потребность оборота в наличных деньгах, что задерживало падение ценности рубля. К тому же значительная часть выпускавшихся бумажных денег уходила в кубышки, а поэтому их влияние на цены сразу не проявилось. Доверие к бумажному рублю, укрепившееся за годы золотого обращения, не было еще подорвано. Но уже в 1916 году началось обесценение денег, что обуславливалось усиливающейся хозяйственной разрухой, сжатием объема товарооборота и одновременно резким возрастанием эмиссии. Денежная масса возросла с 2,4 млрд. рублей к началу войны и 5,7 млрд. рублей на 1 января 1916 года до 10,8 млрд. рублей на 1 марта 1917 года».

Автор: Понятно, что если часть людей уходит на фронт, то товаров производится меньше, а при имеющейся уже массе денег в стране, цена на оставшиеся товары должна расти и рубль должен обесцениваться. Но у России были резервы, России в это время все союзники от США до Японии давали кредиты, т. е. поставляли в страну товары из-за границы. Тогда в связи с чем, рубль так резко пошел вниз? В связи с чем, потребовалось печатать и печатать новые объемы денежных знаков?

Зверев об этом не пишет, возможно, чтобы не загружать Сталина тем, что тому и так понятно. Начав доклад с описания финансов царской России, Зверев ставит перед собой очень скромную цель – дать численную базу, чтобы сравнить с ней свою собственную работу в годы Великой Отечественной войны. Но мы давайте посмотрим на эту численную базу несколько подробнее.

Обесценивание рубля в 1914–1917 гг. шло не столько из-за роста потребительского спроса на уменьшающееся количество товаров, сколько из-за того, что в цену товара все в большем и большем объеме закладывалась воровская составляющая – прибыль, которую «частные предприниматели» стремились ухватить у общества по случаю военного времени.

* * *

Шла страшнейшая для России Первая мировая война, а в тылу воровал всяк, кто что мог. Ну, хоть бы повесил царь десяток воров другим для острастки! Но Николай II был «добрым». На фронтах потери достигали 200–300 тыс. человек в месяц из-за нехватки снарядов, а частный капитал взвинтил на них цены вдвое-втрое против казенных заводов. На казенном заводе 122-мм шрапнель стоила 15 руб., а частники требовали за нее 35. Начальник ГАУ генерал Маниковский пытался прижать грабителей, но его тут же вызвал царь.

«Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300 %, а бывали случаи, что получали даже более 1000 % барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение».

В конце 1943 г. Мариэтта Шагинян написала небольшой сборник очерков «Урал в обороне» и в нем сравнила цифры роста производительности труда на Урале в Первой и в начале Второй мировых войнах.

По начальному периоду Великой Отечественной войны она сообщает следующее. Если выработку на одного рабочего Урала в первом (мирном) полугодии 1941 г. принять за 100 %, то во втором полугодии выработка увеличилась до 217,3 %, а в первом полугодии 1942 г. – до 329 % (М. Шагинян Урал в обороне. М., «Художественная литература», 1944). Но интересно даже не это, а то, что Шагинян нашла по этому поводу в архивах.

Она пишет:

«Документов об участии Урала в первой германской войне сохранилось много. Это отчеты окружных горных инженеров, архивы частнозаводчиков и акционерных компаний, труды всевозможных съездов, обследования комиссий.

...До весны 1915 года, пока не началось наше отступление в Галиции, об Урале и оборонной промышленности никто особенно не задумывался. Отступление обнаружило острый недостаток у нас вооружения. А тогда требовались войскам главным образом «шрапнель», снаряды, колючая проволока. Нужно было срочно наладить на Урале производство этой стали и перевести заводы на военную продукцию.

Летом 1915 года едет на Урал комиссия генерала Михайловского, объезжает казенные заводы, заглядывает на частные, собирает совещания заводчиков. Для захудалой уральской промышленности обращение к ней государства, военные заказы – означало, прежде всего, невиданные барыши. Заводчики восторжествовали, и комиссия встретила с их стороны, как тогда писали в газетах, «достойный патриотизм». Началась лихорадочная подготовка заводов к выполнению миллионных государственных заказов. На Гумешках расширяется завод, в Ревде устраивается механическая мастерская, в Полевском переоборудуется прокатка, в Надеждинском строится снарядная, в Сосьвинском – прокатная. Та же картина в Южно-Турском, Алапаевском, Невьянском, на Клитвенской даче. Выпуск кровельного железа и рельс резко сокращается; вместо них начинает выпускаться инструментальная сталь, увеличивается выпуск колючей проволоки. Заводчики закупают и ставят тысячи новых станков, производят миллионные затраты, перестраивают силовое хозяйство, воздвигают даже целые новые заводы.

Казалось бы, картина огромного технического расцвета на Урале. Но заглянем в финансовые отчеты».

* * *

Чтобы не злоупотреблять таблицами, я числовые данные дам строчкой. Итак, на Урале началась «патриотическая» возня, и что в итоге?

Если в 1913 г. руду добывали на 196 рудниках и добывали ее 49225 тыс. пудов, то в 1916 г. ее добывали на 195 рудниках и добыли всего 31356 тыс. пудов.

Если в 1913 г. чугун плавил 32 домны, снимая в среднем с каждой по 642 тыс. пудов, и в сумме они выплавляли 20565 тыс. пудов, то в 1916 г. осталась 31 домна, съем чугуна упал до 473 тыс. пудов и всего Урал дал 14685 тыс. пудов чугуна.

Если в 1913 г. сталь плавил 16 мартеновских печей и дали ее 8222 тыс. пудов, то в 1916 г. мартенов стало 17, но они давали всего 7884 тыс. пудов стали.

Вы скажете, что все понятно – рабочие ушли на фронт, работать стало некому, производительность рудников и заводов упала. А как же, разбежались вам рабочие на фронт! Они ведь были «на броне», т. е. не призывались в армию, и по этому поводу началась запись всей

дряни в пролетарии. (В Гражданской войне Урал дал Колчаку две дивизии, укомплектованных рабочими). Если число рабочих на Урале в 1913 г. принять за 100 %, то в 1916 г. численность рабочих уже была 152 %! В результате в горной промышленности годовая выработка на одного рабочего упала с 6146 пудов до 4425, а в металлургическом производстве с 6037 до 4582 пудов.

Ну и как чувствовали себя «частные предприниматели» в таком производственном бардаке? А прекрасно! Шагинян продолжает:

«Сохранилось указание, как росла валовая прибыль пяти крупнейших акционерных обществ. Богословское общество, имевшее в 1913 году около 4 миллионов валовой прибыли, получило в 1916 году свыше 10,5 миллиона; Белорецкое общество, имевшее в 1913 году 860 тысяч рублей, в 1916 году – 2 миллиона 170 тысяч, – и т. д. В общем, за два года войны валовая их прибыль увеличилась в три раза. Чтобы скрыть «истинную прибыль», как уверяет «Вестник финансов», акционерные общества отчисляли в запасной, амортизационный и другие капиталы больше, чем полагается, и этим понижали сумму дивидендов, выдаваемых каждому акционеру на его акцию. Но и при такой «хитрости» барыши акционеров были громадны. Богословское общество роздало акционерам в 1916 году почти втрое больше, чем в 1913 году – около трех миллионов рублей барыша (24,1 % на основной капитал). Симское общество в 1913 году не выплатило своим акционерам ни копейки, а уже в 1915 году выдало им 12,8 % на основной капитал. Белорецкое общество до войны выдавало 5,7 % дивиденда, то есть почти ту самую сумму, какую платили государственные банки за обыкновенные вклады, а в 1916 году стало платить 11,4 %».

Ну, и что же при таких «патриотах»-бизнесменах надо было делать правительству России, кроме включения печатного станка и эмиссии денег?

* * *

Но вот для России случилась радость и в феврале 1917 г. к власти пришли либералы. Вообще-то, мы по 1992 г. знаем, что случается с деньгами, когда к власти приходят либералы. Но, думаю, что если бы Милюкову, Гучкову или Керенскому кто-то сказал, что они как Гайдар, то они не стали бы дожидаться дуэльных процедур и сразу же схватились бы за канделябры от такого оскорбления.

Тем не менее.

Зверев: «После февральской революции, при буржуазном Временном правительстве, еще более усилился развал хозяйства и финансовый кризис. С марта по октябрь 1917 года денежная масса в обращении почти удвоилась и достигла к 1 ноября 1917 года 20,4 млрд. рублей, что в связи с резким уменьшением объема производства, сокращением товарной продукции и выбрасыванием денег из крестьянских кубышек, вызвало сильное обесценение рубля. Цены росли ежемесячно на десятки процентов. Обесценение денег значительно обгоняло эмиссию, что характеризовало усиление инфляции, развал денежной системы и крайнее обострение финансового кризиса.

К моменту Октябрьской социалистической революции бумажный рубль по индексу стоил всего 10 довоенных копеек. Советская власть получила в наследство от капиталистической России совершенно расстроенную денежную систему».

Автор: В этом месте текста Сталин сделал пометку на полях: «10 коп. = 1 руб.».

Он сам только что провел страну через страшнейшую войну, у него тоже обесценились деньги и он в докладе отметил себе базу для сравнения обесценивания рубля в Первой и Второй мировых войнах.

Одиннадцать вопросов о деньгах

А мы давайте немного отвлечемся от доклада Зверева и поговорим о деньгах в принципе. Дело в том, что стандартное объяснение того, что такое деньги – эквивалент стоимости товара, – мало что дает к пониманию денег как инструмента, с помощью которого можно сделать свою страну богатой, а можно ее разорить, как разорили ее перестройщики в 1992 г. Поэтому давайте рассмотрим, что такое деньги, на упрощенных примерах.

Напомню, что экономика – это наука ведения хозяйства, экономист – это хозяин. Вот и представим себе такого экономиста (возможно коллективного), который является хозяином страны и в его власти увеличить в стране количество денег или уменьшить. Не имеет значения каких именно денег – в виде золотой и серебряной монеты, либо в виде разрисованных бумажек. Не имеет значения и то, как именно он их запускает в обращение – в виде повышения зарплаты (т. е. безвозвратно) или в виде кредитов. Главное, что количество денег в стране находится в его, хозяина (экономиста), власти.

Зададим себе первый вопрос: а зачем он вообще этим занимается, зачем нужны его стране деньги?

Да, было время, когда каждая семья или племя вели общее, так называемое натуральное хозяйство и съедали все, что сами и производили. Одевали на себя все, что сами и шили, а оружие имели только то, что умели себе сделать, либо взять с боя в виде трофеев. При натуральном хозяйстве деньги не нужны, не нужен и рынок.

Но прогресс развития техники и технологии шел вперед, и люди стали специализироваться на производстве чего-то одного: либо сталь ковали, либо пшеницу сеяли, либо горшки обжигали. Было доказано, что 10 специалистов, разделив свой труд, производят в сумме в несколько раз больше товара, чем 10 человек в натуральном хозяйстве, каждый из которых и пахарь, и кузнец, и гончар. Стало понятно, что для того, чтобы становиться богаче, надо разделять труд.

Но вот тут возникла проблема у каждого производителя товара – нужно было обменять свой товар на тот, который нужен тебе. Как видим, появилось сначала новое явление – товар, т. е. то, что ты делаешь, но это не предназначено тебе, а предназначено только для обмена. И товар вызвал второе новое явление – рынок, т. е. место, где ты обмениваешь свой товар на нужный тебе.

Обмен товара – это главное условие его производства. И если обмен товаров затрудняется или прекращается, то снижается или прекращается их производство, даже если к этому есть все необходимое: квалифицированные люди, машины, сырье, энергия. Поэтому без развития рынка невозможно развитие производства и, соответственно, народ данной страны не способен стать материально богаче.

Теперь о том, что такое рынок. Это не обязательно какое-то специальное огороженное место, рынок – это вообще место, где ты производишь реализацию товара: и базар, и вся страна, и другие страны, куда тебя с твоим товаром пускают. Везде, где ты способен обменять свой товар, – твой рынок. Сам по себе обмен товарами денег не требует и это надо понять и запомнить. Вот собрались в одном месте: крестьянин с зерном, которому нужны горшки, гончар с горшками, которому нужны топоры, и кузнец с топорами, которому нужно зерно. Какая проблема в том, чтобы они договорились и обменяли товар? Никакой! И никакие деньги не нужны.

Другое дело, когда эти трое находятся далеко друг от друга, не знают, кому из них что надо и даже встретившись по парам, не могут произвести обмен из-за ненужности твоего товара тому, чей товар нужен тебе. Такая ситуация называется «неразвитостью средств связи (коммуникаций)» и деньги – это следствие именно этой неразвитости. (Сегодня средства связи развиты настолько, что можно развивать любое производство товара и в одной стране, и во

всем мире совершенно без денег. Но это отдельный вопрос). А сейчас подчеркнем, деньги, как эквивалент стоимости товара, появились вследствие неразвитости средств связи на рынке данного производителя. Еще раз: деньги это не цель хозяйствования, цель – товар, а деньги только временное вынужденное средство для обмена товара.

Подытожим: причиной всех причин является естественное желание любого производителя стать более обеспеченным (стать богаче). Это желание вызывает такую причинно-следственную цепочку:

- а) желание стать богаче требует:
- б) разделения труда, что в свою очередь требует:
- в) необходимость рынка, что в свою очередь вызывает:
- г) затруднения в связи партнеров по обмену товаров и:
- д) появляются деньги.

Между прочим, дальнейшее развитие этой цепочки такое:

- е) совершенствование средств связи и, соответственно, связи между производителями товаров, что вызывает:
- ж) ликвидацию денег. Но это, повторю, вопрос отдельный.

* * *

Итак, вернемся, к тому, от кого начали, и к ответу на первый вопрос. Во главе страны хозяин, и он, как видите, в конечном итоге вводит в страну деньги, для того, чтобы производители в его стране могли обменивать товар, и, следовательно, производить его.

Следующий вопрос: а как должны выглядеть деньги? А как угодно. Деньгами может быть честное слово партнеров, если оно у них имеется. Деньги ведь не участвуют в процессе производства, поэтому ни их вид, ни их качество не имеют значения. Это чтобы получить сталь, нужна руда, скажем, с 50 % железа, и это обязательно, а сколько и чего содержится в деньгах не имеет ни малейшего значения. Главное – чтобы их принимали в обмен на товар. В отличие от собственно денег, золото, платина и серебро сами по себе являются компактным товаром, требующим большого труда по своему производству. Но к сути того, чем являются деньги ни золото, ни платина, ни серебро не имеют отношения. Монеты и слитки – это дополнительный вес, который покупатель должен с собой носить, чтобы в конечном итоге выменять на деньги нужный себе товар.

Тогда третий вопрос. Если деньги это только эквивалент стоимости товара, а не ценность сама по себе, то тогда у хозяина появляется возможность напечатать много денег и получить много товара. Так ли это? Черта с два! Речь идет о хозяине, а не о придурке с печатным станком. Количество товара, которое можно произвести в данной фирме или в данной стране определяется не деньгами, а развитием производительных сил – количеством работающих, их квалификацией и стимулами к работе, их организацией и развитием техники и технологии. Вот о чем болит голова у настоящего экономиста, а деньги, напомню, участвуют не в производстве товаров, а в их обмене. И для того, чтобы увеличить производство товаров, хозяин должен заниматься развитием производительных сил, а деньгами – в последнюю очередь. Еще и еще раз: деньги участвуют не в производстве товаров, а только в их обмене! Так не получится, чтобы во главе страны или фирмы поставить дурака, но с взятыми в кредит деньгами, и чтобы все у него закрутилось само по себе, и начался рост производства товаров. А ведь только они, а не деньги, нужны гражданам его страны.

Тогда изменим вопрос: можно ли стимуляцией спроса на рынке (желания купить и деньгами для покупки) вызвать непрерывное увеличение производства товаров? Нет. Только до упора – до предела развития производительных сил на данном этапе. За этим пределом рост денежной массы в стране вызовет обесценивание денег (их как бы не станет вообще или станет

очень мало), это вызовет ухудшение условий обмена товара, а без обмена нет и производства. Это известно очень с давних времен.

В начале XVIII века во Франции стало резко не хватать монеты. Были люди, способные произвести товар, были люди, желающие его купить, но денег – средства обмена товаров – было очень мало. Когда дело дошло до бунтов, то в 1717 г. шотландцу Джону Ло было разрешено основать банк и печатать банковские билеты. Не имея никакого обеспечения под билеты (т. е. не имея возможности обменять их на золото при возврате), Ло начал их печатать и раздавать в кредит. Во Франции начался экономический бум – производство товаров резко возросло, поскольку появилась возможность их обменивать. Никто и не собирался возвращать Ло его банковские билеты и требовать за них золото. С 1718 г. банк Ло стал Королевским, но легкость обогащения с помощью печатного станка затмила разум и денег напечатали столько, что в 1720 г. доверие к ним упало, все бросились обменивать банковские билеты на монету или товары, стоимость банковских билетов рухнула, денег, как средства обмена товаров, вновь не стало и производство товаров снова резко снизилось.

Можно слышать расхожее мнение, что на рынке, дескать, все должны регулировать деньги или спрос, т. е. наличие людей с деньгами. Это убийственная для страны и мира глупость! На рынке должен властвовать ум хозяина (экономиста) страны! Если производительные силы страны готовы выдать дополнительный товар, нужно увеличить денежную массу в стране (выдачей льготных кредитов, повышением зарплат), если оборот денег ускоряется (уменьшается время нахождения их вне банков), то денежную массу необходимо сократить. Если необходимость потребовала резко увеличить денежную массу, то нужно либо смириться с тем, что стоимость новой массы денег сравняется со стоимостью старого количества товаров, т. е. деньги пропорционально обесценятся, либо нужно по прошествии этой необходимости принять специальные меры по уменьшению денежной массы и тогда деньги вновь возрастут в цене. Не деньги, а голова экономиста (хозяина) – главное на рынке!

Пятый вопрос. А как хозяину данной страны контролировать денежную массу на рынке, если рынком является весь мир? В этом случае хозяин страны обязан выступать на внешнем рынке как единственный продавец и единственный покупатель – монопольно! Другого выхода нет.

Из-за климатических и географических особенностей затраты на производство одинаковых товаров в разных странах разные. Если ты в стране с худшими условиями и тебе открыть свой рынок, то производители из стран, в которых производство товара дешевле, разорят твоих производителей, и ты станешь беднее, поскольку богатство страны определяется массой производимых в ней товаров. И только. А при монополии на внешнюю торговлю ты будешь богатеть.

Пример. У тебя, хозяина страны, производитель выращивает яблоки с затратами 8 руб., а продает их за 10. Ты впустил к себе южноафриканских садоводов, а у них затраты 2 рубля. Они будут продавать свои яблоки за 8 рублей и разорят всех твоих производителей и не только садоводов, но и всех обеспечивающих их – производителей сельхозтехники, удобрений, тары и т. д. Выход один – не впускать в страну конкурентов, а избыточные в стране яблоки скупить у своих садоводов за 10 рублей, вывезти их на мировой рынок и продать там за 2 рубля, на выручку купить 2 кг. бананов, ввезти их в страну, продать по 6 руб., т. е. за 12 рублей, и на полученную прибыль (2 руб.) содержать своих коммерсантов-внешнеторговцев. С мирового рынка ты сможешь иметь в своей стране все, но для этого требуется, чтобы у тебя в стране не было безработных явных и скрытых – чтобы работали все, чтобы товаров было много. Были бы товары, а продать их с выгодой где угодно – это не проблема.

Напрашивается шестой вопрос. А почему нельзя допустить, чтобы каждый производитель сам свободно покупал и продавал на мировом рынке? Можно, но тогда хозяин страны (если он есть), должен установить контроль за всеми торгующими, что очень дорого и малоэф-

фективно. Ведь цель хозяина страны – дать своему народу максимум товаров. Не то колбаса, что в магазине, а то колбаса, что в домашнем холодильнике.

А частный производитель заботы обо всем народе не имеет, он может продать яблоко на внешнем рынке не за 2, а за 1 рубль и ему при определенных условиях это будет выгодно, может купить бананы не по 1, а по 2 рубля и продать их не по 6, а по 12 рублей. И такой торговлей частник может во имя личной выгоды снизить количество товаров у народа своей страны. И, между прочим, вызвать этим обесценивание национальных денег, что опять-таки затруднит обмен товаров и приостановку их производства.

При декларированном отсутствии монополии на внешнюю торговлю, она все равно есть, но только осуществляется эта монополия полками и дивизиями налоговых и таможенных инспекторов. Если в данной стране не способны загрузить людей производительным трудом, то тогда, конечно, можно дать им кормиться в бесчисленных посреднических фирмешках и в налоговой полиции. Настоящий экономист (настоящий хозяин), обслуживающий весь народ, не станет ослаблять производительные силы страны и, соответственно, уменьшать производство товаров путем перевода людей из производства в бессмысленные коммерческие и контрольные структуры. А плохой хозяин будет. Особенно тот, которому главное получить от частных бизнесменов деньги для победы на выборах, но и то, даже плохой хозяин делать это будет только до определенного предела.

Седьмой вопрос: а почему же тогда весь мир кричит о свободной торговле, как о высшем достижении экономики? Паук, поймав муху в паутину, сначала вводит в нее реагент, который растворяет у мухи внутренности, а затем отсасывает их. Вот таким реагентом для пауков, желающих разорить твою промышленность и захватить твой рынок, является болтовня о свободной торговле. Сами такие страны, болтая о свободе, действуют едино, монопольно.

Скажем, недавно США пошлиной выкинули со своего рынка импортеров стали. А как же свободная торговля и конкуренция? И мы об этой акции США узнали только потому, что она задела европейских сталелитейщиков. А вот скажем о японской монополии, в связи с которой на японском рынке нет никого, кроме японцев, пресса даже и не пишет – надоело. Надо не продажным писакам внимать, а трезво рассчитывать свою (своего народа) выгоду. Но для этого, опять таки, во главе народа должен быть хозяин.

Восьмой вопрос. В предыдущих ответах мы рассматривали не собственно деньги, а то для чего они предназначаются, – обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем, необычайно выгодным для того, кто их эмитирует (печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем, 10 %. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет кроме процентов и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента, давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3300000 % прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30000 % в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США – доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин, техники, приборов, тканей и т. д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки

развалин небоскребов, был продан в Китай. США сегодня – это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, т. е. никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров.

Девятый вопрос. Значит ли это, что обмен валют в стране должен быть строжайше запрещен? А при чем здесь обмен? Зачем его запрещать? Нельзя допускать, чтобы расчеты внутри страны (оборот товаров) производились в иностранной валюте, поскольку это ведет к обесцениванию своей валюты (денег, как таковых, своих и чужих на рынке становится больше, чем товаров). Надо на вопрос свободы конвертируемости валют смотреть в принципе.

Вот человек заработал 10 рублей и под них на рынке есть товар, который данный человек по идее, и купит за эти деньги. А вот приехал иностранец, который тоже хочет купить этот товар. Так почему не произвести между ними обмен валют? Наш товар-то все равно будет куплен и производство товаров у нас не уменьшится. А то, что наш человек поедет за границу и что-то там купит, так это его право – ведь он у нас в стране предназначенный ему товар уступил иностранцу, почему же ему не компенсировать потерю импортным товаром? Он купит не выгодно? Ну так это его проблемы, поскольку он покупает для себя.

Мне скажут, что воры и спекулянты будут переводить в валюту несправедливо нажитые деньги и т. д. Но так воровство и спекуляция и без перевода денег в валюту являются преступлением, и надо с ним бороться. Главное, чтобы этот валютный обмен происходил под контролем хозяина страны и по его курсу, а не по курсу, который устанавливают между собой валютные спекулянты на бирже легальной или черной.

Тут вот в чем дело. Вот мы выше рассматривали пример внешней торговли, по которому государство у себя на рынке покупает яблоко за 10 рублей, продает его на внешнем рынке за 2 рубля, покупает на вырученные 2 рубля два банана и продает их в своей стране по 6 рублей, т. е. за 12 рублей в сумме. Такой обмен яблок на бананы выгоден и с прибылью. Предположим, что государство установило курс 1 рубль = 1 доллар. Но ведь внутри страны по отношению к цене банана этот курс равен уже 1:6. Отсюда, если иностранец может продать доллар, минуя контроль хозяина страны, то он вполне может получить за него не 1, а 4 рубля по, так сказать, «банановому курсу». И тут два варианта. По первому он вывезет эти рубли за границу и там купит наши же яблоки за наши же, теперь уже его рубли по 2 руб. за штуку. Получится, что мы заплатили за них внутри страны 20 рублей, а за рубежом вынуждены продать за 4, ничего не получив взамен, кроме наших же 4 рублей. Это капитальный убыток. По второму варианту иностранец не вывезет эти 4 рубля за границу, но тогда его доллар будет добавлением к денежной массе в стране, да еще и таким, которое покупатели расценивают в 4 раза дороже номинала. Это приведет к обесцениванию собственных денег и по этой причине, и потому, что товара на доллар иностранец вывезет в 4 раза больше, чем ввез реальных денег. Хозяин страны не сможет пополнить бюджет (общие расходы народа) за счет самой прибыльно операции – за счет печатного станка, за счет эмиссии.

Я привожу пример для России – для страны с очень затратным производством, но и страны с прекрасным климатом и путями сообщений иностранная валюта гробит точно так же, поскольку деньги они и в Африке деньги. Возьмем, к примеру, Аргентину, которую бесконтрольная конвертация грабила точно так же, как и Россию. Потребовалось дойти до ручки – до голодных бунтов в стране с изобилием продовольствия, – чтобы правительство начало устанавливать контроль за обменом доллара на песо.

В бесконтрольной конвертации своей валюты или в обмене ее на золото есть и еще один минус. Это вывоз денег из страны в виде валюты или золота. А вывоз денег снижает спрос на товары своей промышленности и, соответственно, торможение производства товаров. Скажем, какой-нибудь Нобель или Ротшильд разрабатывают месторождение нефти в царской Рос-

сии. Для того времени это, в принципе, допустимо. Но если бы рубль не менялся на золото, а через золото – на любую валюту, то Нобель и Ротшильд свою прибыль тоже должны были бы потратить в России и этим вызвали бы в ней дополнительный рост производства. Но в связи с конвертируемостью рубля, эти люди вывозили свою прибыль за границу и тратили ее там, развивая промышленность, скажем, во Франции за русский счет.

Поэтому любое заботящееся о своем народе правительство, будь оно коммунистическим или монархическим (скажем Александр II был категорическим противником золотого рубля), не даст никому бесконтрольно влиять на деньги страны – на то, что развивает свое товарное производство, что делает людей богаче. Исключением является правительства, которые сами разворачивают свою страну и которым для этого не нужен контроль, зато нужен беспрепятственный вывоз из страны украденного.

Кроме того, в свободной конвертации валюты во всех странах, напомним, заинтересованы те, чья валюта является основой мировой торговли и кто наживается на ее эмиссии: раньше Великобритания и США, сегодня только США. Чем в большем количестве стран местная валюта меняется на доллар, тем больше долларов требуется, тем богаче США.

Десятый вопрос. Не может ли уменьшение количества денег в стране снизить цены на товары? Нет, ни в коем случае, поскольку время не идет вспять, а производство товаров – это процесс во времени. То есть, ты сначала покупаешь сырье (положим, в кредит), а затем производишь товар. Если на рынке снижается количество денег, и твой товар из-за этого не берут, то ты не сможешь снизить на него цену, так как не рассчитаешься за уже купленное сырье. Остается одно – снижать производство по имеющимся на рынке деньгам и даже больше, поскольку снижение производства ведет к росту условно постоянных расходов в себестоимости продукции, а их рост вызывает рост цены. В некоторых случаях (об этом я уже написал) добавление денежной массы на рынок при готовых производительных силах, вызовет снижение цены, пропорционально росту производства товаров.

Одиннадцатый вопрос. Если рост денежной массы в стране вызывает обесценивание денег, то почему хозяин страны идет на эмиссию – на включение печатного станка? Дело в том, что эмиссия ведет к перераспределению производимых товаров, она, если хотите, скрытый налог на производителей. Упрощенный пример. У нас 10 человек, которые производят по 10 единиц товара стоимостью 10 рублей каждая – всего на 1000 рублей. За производство этих товаров каждый получил по 100 рублей, на которые купил 10 единиц нужных себе товаров других производителей. Справедливый обмен товаров произошел, для чего потребовалось, предположим, 1000 рублей денежной массы. Но вот правительство печатает и пускает в оборот купюр еще на 1000 рублей, объем денег на рынке увеличился вдвое, стоимость единицы товара выросла вдвое (стоимость денег упала вдвое) и теперь каждый производитель на свои 100 рублей сможет купить лишь по 5 единиц товара, или 50 из 100 произведенных. А остальные 50 единиц купит тот, для кого произведена эмиссия. Скажем во время войны – для дополнительных солдат в армии. Это единственное справедливое предназначение эмиссии. Поскольку, кроме армии, эту эмиссию могут расхватать, как я уже писал, жадные до наживы предприниматели, воры-интенданты, бесполезные чиновники и другие всевозможные хищники. Причем, этим негодьям и не нужна победа в войне – чем дольше она длится, тем сильнее они наживаются. В этом случае хозяин (экономист) страны должен применить давно известную в экономике систему – систему беспощадных казней мерзавцев в назидание другим.

* * *

Давайте подытожим разобранные принципы.

1. Чтобы народ жил богаче материально, нужно увеличивать производство товаров, а чтобы их увеличить, нужно разделить труд и специализировать производителей.

2. При разделении труда затрудняется связь между товаропроизводителями и обмен товарами между ними, для осуществления этого обмена вводится универсальный стоимостной эквивалент товаров – деньги.

3. Денег на рынке данной страны должно быть столько, чтобы не затруднять обмен максимально возможного (или необходимого) количества товаров – количества, на производство которого способны производительные силы страны.

4. Уменьшение денег против требуемого количества вызывает падение производства и рост цен, а не контролируемое увеличение массы денег вызывает обесценивание денег, обесценивание накоплений и сбережений. В связи с этим колебания денежной массы в любом направлении вызывают убытки у каждого гражданина.

5. Эмиссия денег дело очень выгодное, кроме этого, она перераспределяет товары в стране, поэтому заниматься ею в данной стране должны только те, кто отвечает за всех – Правительство данного государства. Частным лицам влияние на денежную массу любым путем должно быть строжайше заказано.

6. Конвертация своих денег в валюту других стран должна происходить только под контролем государства и по его курсу, бесконтрольная (свободная) конвертация подрывает собственную валюту, собственную внешнюю торговлю и ведет к уменьшению собственного товарного производства.

7. Внешняя торговля должна вестись всеми производителями и покупателями вместе, монопольно, т. е. под контролем государства.

8. На рынке (рынках) данной страны должны властвовать не деньги (спрос), а мозги экономиста (хозяина), управляющего страной.

А теперь вернемся к вышеизложенному тексту доклада Зверева. Если после этих рассуждений задать вопрос, почему за три года Первой Мировой войны стоимость рубля упала в десять раз, то можно назвать две чисто финансовые причины:

– потому, что царь разрешил конвертацию рубля и этим до войны развивал промышленность не России, а других стран, в результате собственная промышленность оказалась неспособной выдержать войну;

– потому, что жестокими казнями не обеспечил эмиссии денег и дал их разворовать недоброжелателям.

Теперь мы подходим к советскому периоду истории финансов России.

Были времена и хуже...

Зверев: «Еще VI съезд партии (август 1917 года) в резолюции об экономическом положении выдвинул ряд мер, необходимых для борьбы с финансовым крахом: немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег, отказ от уплаты государственных долгов, как внешних, так и внутренних, преобразование всей налоговой системы путем введения подоходно-поимущественного налога, налога на прирост имущества, высоких косвенных налогов на предметы роскоши и др.

После Октябрьской социалистической революции Советская власть приступила к осуществлению этих мероприятий. В начале 1918 года Ленин выдвигал, как одну из важнейших задач экономической политики – отказ от эмиссии бумажных денег. По предложению Ленина Совнарком принимал меры к сокращению государственных расходов. При Совнаркоме был создан «Особый Комитет по сокращению государственных расходов» (декрет СНК от 20 февраля 1918 года), в задачи которого входило внедрение финансовой дисциплины в работу всего советского аппарата. Однако трудности этого периода не дали возможности ликвидировать дефицит бюджета и отказаться от эмиссии. С ноября 1917 года по апрель 1918 года было выпущено в обращение 18,7 млрд. рублей.

В период кратковременной «Брестской передышки» весной 1918 года, разрабатывая план приступа к социалистическому строительству, Ленин уделяет много внимания финансам и денежному обращению.

По его указанию Наркомфин разработал тезисы по вопросам оздоровления и укрепления денежной системы. В связи с докладом наркомфина во ВЦИК'е 18 апреля 1918 года Ленин подчеркнул необходимость организации финансового аппарата для проведения в жизнь плана оздоровления финансов и укрепления денежной системы. Комиссия, образованная ВЦИК для рассмотрения основных положений финансовой политики, занималась вопросами денежной реформы.

Ленин требовал, чтобы оздоровление валюты и укрепление финансовой системы было осуществлено как можно скорее: «...не надо забывать, – писал Ленин, – что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. От этой последней задачи зависит успех задуманного нами огромного дела социалистического преобразования общества». Для укрепления денежной системы Ленин считал необходимым отказаться от эмиссии бумажных денег и стабилизировать валюту: «подходящий налог должен быть взимаем со всех без исключения, ибо хозяйничанье при помощи типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может лишь быть оправдано, как временная мера» (Собр. соч. Т. XXIII, стр. 18–19).

На первом съезде финотделов в мае 1918 года Ленин изложил проект денежной реформы, который был направлен на оздоровление денежного обращения и подрыв экономической власти буржуазии.

«Мы назначим самый краткий срок, – говорил Ленин, – в течение которого каждый должен сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен новые. Если сумма эта окажется небольшой, он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму – он получит лишь часть. Мера эта несомненно встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны нашего крестьянства, разбогатевшего на войне и зарывшего в землю бутылки, наполненные бумажными деньгами» (том XXIII, стр. 20–21).

Готовясь к проведению денежной реформы, советское правительство стремилось сдержать эмиссию и приостановить рост цен. В условиях крайне тяжелой общехозяйственной обстановки ежемесячные размеры новой эмиссии не только не увеличились, но даже несколько сократились по сравнению с предыдущими месяцами.

Ввиду начавшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции, ленинский план укрепления денежного обращения не был осуществлен.

Расходы на оборону резко возросли, доходы же бюджета не могли быть значительно увеличены в связи с усилившейся хозяйственной разрухой. Дефицит бюджета, несмотря на введение чрезвычайного революционного налога, резко возрастал. По бюджетной росписи 1920 года дефицит составлял свыше одного триллиона рублей или 87 % всех расходов бюджета. Единственным источником покрытия дефицита бюджета была эмиссия денежных знаков – совзнаков.

Количество денег в обращении с середины 1918 года до начала 1921 года выросло почти в тридцать раз – с 43,7 млрд. рублей на 1 июля 1918 года до 1,2 триллиона рублей на 1 января 1921 года.

Общая сумма материальных ценностей, получаемых государством посредством эмиссии, несмотря на ее огромный рост, не увеличивалась, а сокращалась. Доходы бюджета от эмиссии в пересчете на довоенные рубли по индексу цен составляли: в 1918 году 536 млн. рублей, в 1919 году — 225 млн. рублей, а в 1920 году только 122 млн. рублей. Резкое сокращение реального дохода от эмиссии происходило вследствие чрезвычайно быстрого обесценения денег. Так, в январе 1920 года денежная масса в обращении увеличилась на 15,7 %, а цены возросли на

27 %, в феврале при увеличении денежной массы на 12,6 % цены увеличились на 23 %; в марте денежная масса возросла на 16,2 %, а цены на 25 %.

Чрезвычайно высокие темпы обесценения денег были связаны не только с эмиссией, но и с сокращением объема производства и товарной массы, с процессом натурализации хозяйства и обмена (продразверстка, пайковое снабжение, бесплатность товаров и услуг), а также с ускорением обращения денег, вызываемым «бегством от денег», обычным в условиях острой инфляции. В связи с резким обесценением денег, в рыночном обороте отдельные товары становятся средством обмена, заменившим в ряде случаев деньги. Такими товарами в некоторых районах являлись – соль, хлеб и т. д.

Это еще больше ухудшало состояние денежного обращения и снижало роль финансовой системы».

Автор: К этому тексту следует добавить несколько замечаний.

Имеет смысл подчеркнуть причины, ведущие к обесцениванию денежной единицы, поскольку в докладе Зверева они указаны не все.

Первая причина понятна – эмиссия денежных знаков.

Вторая тоже указана – разруха, уменьшение производства товаров.

Третья причина – бартер, т. е. обмен товарами, минуя деньги.

Четвертая причина, которую Зверев, видимо, просто упустил, – отсутствие даже символического обеспечения денежных знаков большевиков, поскольку почти всю гражданскую войну золотой запас был у белых и они его щедро тратили на нужды своей армии. Рубль большевиков не вызывал доверия из-за отсутствия золота. Психология в финансовой политике имеет очень большое значение. Как мы видели выше, эмиссия денег царским правительством во время войны первое время не приводила к обесцениванию рубля – деньги просто копили, веря в крепость рубля.

О пятой причине Зверев, видимо, счел необходимым просто промолчать – это романтические попытки большевиков вообще обойтись без денег и распределять товар бесплатно. Сам по себе этот случай специфический, тем не менее, надо понимать, что любой обмен товаров без денег ведет к обесцениванию последних.

Как бы то ни было, но инфляция приняла ужасные размеры, и остановить ее не было возможности: армию, пенсионеров, госаппарат кормить и содержать было надо, а доходов от налогов практически не было. Но долго так продолжаться не могло и действительно – как только окончилась гражданская война, большевики тут же взялись за дело.

В дополнение к сказанному хочу обратить ваше внимание на то, как именно Ленин хотел провести реформу денег сразу же после революции – непропорциональным обменом: труженикам рубль за рубль, а у спекулянтов деньги изъять. Именно так провел денежную реформу Сталин в 1947 г., но об этом разговор впереди. Украденную прямо или посредством спекуляции собственность большевики священной не считали.

* * *

Зверев: «С переходом к мирному хозяйственному строительству со всей остротой встала задача оздоровления денежного обращения.

Говоря об основных задачах нэпа, Ленин указывал, что необходимо организовать торговлю и овладеть ею, урегулировать «теперешнее плохое денежное обращение».

После 10 съезда партии ЦК назначил комиссию для разработки необходимых финансовых мероприятий. В составленном Лениным «Наказе СТО» в мае 1921 года указывалось на необходимость создания правильно действующей денежной системы, что может быть достигнуто только на основе правильных взаимоотношений промышленности и земледелия.

Одним из важнейших условий оздоровления денежного обращения явилась организация Госбанка в октябре 1921 года. Госбанк должен был стать не только основным кредитным органом, но также центром организации денежных оборотов и регулирования денежного обращения.

С переходом к нэпу денежные отношения стали быстро развиваться не только в частном обороте, но и в обобществленном хозяйстве. Значение денег в народном хозяйстве возросло. Была восстановлена платность товаров и услуг. Большая часть государственных предприятий была переведена на хозрасчет, что означало прекращение их бесплатного государственного снабжения сырьем и материалами, а также сокращение бюджетного финансирования. Ограничивается, а в дальнейшем ликвидируется, карточная система распределения продуктов среди рабочих и служащих; денежная зарплата постепенно вытесняет натуральную зарплату, хотя последняя в течение всего 1922 года сохраняла еще важное значение в бюджете рабочего.

В декабре 1921 года товарищ Сталин указал, что «...без приведения в порядок денежного обращения и улучшения курса рубля наши хозяйственные операции как внутренние, так и внешние будут хромать на обе ноги» («Правда» 18 декабря 1921 года).

XI съезд партии принял развернутую программу финансовой политики, на основе которой правительство проводило борьбу за увеличение товарооборота, за экономию в расходах и расширение доходов бюджета. Перевод на хозрасчет большинства промышленных предприятий и организаций способствовал росту производства и товарооборота, сократил объем государственных расходов и в то же время расширил источники доходов для государственного бюджета. В 1922–1923 годах организуются местные бюджеты, проводится жесткая экономия в области расходов на административный аппарат и других расходов. Вводится система налогового обложения: акцизы, промысловый налог, подоходно-поимущественный налог и другие общегосударственные и местные налоги и сборы. В 1922 году выпускается первый краткосрочный хлебный заем на 10 млн. пудов хлеба. Облигации этого займа продавались за деньги, а погашение производилось по желанию держателей облигаций – либо деньгами, либо хлебом после реализации урожая. Так как облигации принимались в уплату натурального налога, то крестьянство охотно приобретало облигации этого займа.

В беседе с товарищем Сталиным (происходившей во время болезни Ленина) Владимир Ильич указывал: «Улучшение промышленности и финансов должно притти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить государство от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качественно. В этом деле нужна особая твердость и тогда вылезем, наверняка вылезем» (И. Сталин. «О Ленине». 1939. Стр. 11).

В целях постепенной реорганизации денежного обращения, а также для упрощения и облегчения счета и счетоводства, декретами от 3 ноября 1921 года и от 24 октября 1922 года проводятся две деноминации денежных знаков. По первой деноминации один рубль вновь выпущенных денежных знаков (дензнаки образца 1922 года) приравнивался к 10 тыс. руб. денежных знаков прошлых выпусков, а по второй деноминации (дензнаки образца 1923 года) к 1 млн. рублей денежных знаков всех выпусков до 1922 года или 100 рублей образца 1922 года. Ленин считал деноминации важным шагом на пути стабилизации рубля.

В связи с продолжавшейся эмиссией для покрытия бюджетного дефицита стабилизация совзнака не могла быть достигнута. Денежная масса выросла в период с 1 июля 1921 года до 1 января 1923 года в 850 раз и достигла около двух квадриллионов рублей. Рост хозяйственного оборота способствовал тому, что обесценение денег шло медленнее, чем рост эмиссии. Рубль за этот период обесценился в 260 раз. Одной из существенных причин эмиссии и обесценения денег был неурожай и голод 1921 года. Для создания устойчивой валюты требовалось значительное расширение производства и товарооборота и проведение коренной денежной реформы.

К концу 1922 года проблема стабилизации валюты становится особенно острой, так как продолжавшееся обесценение денег создавало серьезные препятствия на пути восстановления хозяйства.

Выступая на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, Ленин вскрыл значение устойчивой валюты для дальнейшего развития советского хозяйства. «Удастся нам на продолжительный срок, – говорил Ленин, – а впоследствии навсегда стабилизировать рубль – значит мы выиграли. Тогда... мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать».

Обесценение совзнаков мешало правильной постановке учета на производстве, организации хозрасчета, затрудняло регулирование рынка и борьбу с частником. Ряд обследований показал, что многие тресты, ведя учет производства в совзнаках, не знали фактической себестоимости продукции и поэтому в значительной мере работали вслепую. Обесценение совзнаков тормозило рост товарности крестьянского хозяйства, развитие товарооборота между городом и деревней».

Автор: Хочу обратить внимание, что большевики знали, зачем им твердый рубль, и этим отличались от сегодняшних «финансовых экспертов», рассуждающих о курсе рубля черт знает из каких соображений. Так, к примеру, на ОРТ Леонтьев в своей передаче с умным видом рассуждал, что России требуется, чтобы рубль все время обесценивался, так как это «лучше для экспорта». Это действительно так, но Леонтьеву следовало бы все же эту мысль выразить по-русски: Западу с его твердой валютой легче скупать российское сырье, если рубль обесценивается. Леонтьев очень болеет за прибыли Запада и этим отличается от большевиков, которые болели за Россию, поэтому они и делали все, чтобы стабилизировать рубль. Поскольку без твердой денежной единицы невозможна ни внутренняя торговля, ни производство.

Скажем, крестьянин вывез муку на базар и продал, но теперь он обязан что-либо купить немедленно, поскольку завтра рубли у него за пазухой станут уже вдвое дешевле. При обесценивающейся валюте любое убыточное предприятие по отчетам всегда прибыльно, поскольку выручка в цифрах всегда выше затрат, да вот только на эту выручку не купишь и половины того сырья, которое покупал, чтобы произвести тот товар, за который получил обесценивающиеся деньги.

Как видите, в условиях обесценивания денежных знаков большевики делали то, что естественно напрашивалось, и что категорически не стали делать либералы СНГ в 90-х годах в таких же условиях. Большевики пытались организовать товарооборот при помощи облигаций хлебного займа, т. е. пытались найти деньгам обеспечение помимо золота, но неурожай 1921 г. не дал осуществить этот план. Между прочим, в 90-х годах либералам ничего не стоило найти рублю основу и остановить инфляцию, взяв за основу электроэнергию, которой в то время производилось еще достаточно. То есть, если бы либералы выпустили облигации или купоны для расплаты за электроэнергию, то эта валюта была бы прочнее доллара, ее бы все брали, поскольку за электроэнергию расплачиваются все. Но в 90-х годах речь шла не о возобновлении товарного производства и товарооборота, а о прекращении их...

* * *

Зверев: «Необходимость в устойчивой валюте обуславливалась и тем, что золото и иностранная валюта, проникая в хозяйственный оборот, сужали сферу обращения советских денег.

В этих условиях, в целях придания устойчивости денежным расчетам, приходилось использовать условные измерители (довоенный рубль, золотой рубль, товарный рубль). Курс совзнака в таких измерителях устанавливался на основе учета изменений индекса цен, покупной цены Госбанка на золото и других показателей.

Однако использование указанных измерителей не могло заменить устойчивые деньги, которые были необходимы для развития хозяйства. В то же время наличие крупного бюджетного дефицита и необходимость эмиссии совзнаков для покрытия бюджетных расходов не давали возможности стабилизировать совзнак и сделать его устойчивой валютой.

Необходимо было, не ожидая полного оздоровления государственного бюджета и прекращения эмиссии совзнаков для покрытия бюджетного дефицита, создать наряду с падающим совзнаком твердую советскую валюту. Такой валютой могла быть только банковская валюта – кредитные деньги, не связанные с бюджетом и выпускаемые для обслуживания товарооборота через механизм банковского краткосрочного кредитования. Условия для эмиссии такой валюты в течение 1922 года были созданы. Рост производства, укрепление хозрасчета и коммерческих связей между хозяйственными организациями и развитие на этой базе кредитных отношений в хозяйстве, создали к концу 1922 года условия для практического осуществления эмиссии кредитных билетов.

Билеты Госбанка должны были стать устойчивой валютой, в противовес обесценивавшемуся совзнаку и подлежали внедрению не только в крупно-оптовый оборот, но и в розничную торговлю.

С лета 1922 года, по указанию Правительства, Госбанк стал готовиться к выпуску банкнот. Постановление СНК СССР от 11 октября 1922 года Госбанку было предоставлено право эмиссии новых денег – банковских билетов крупных купюр (один, два, три, пять, десять, двадцать пять червонцев) для коммерческих операций. В качестве денежной единицы был принят червонец, приравненный к 1 зол. 78,24 долей чистого золота, т. е. к прежней десятирублевой золотой монете.

Было установлено, что банковские билеты обеспечиваются не менее чем на 25 % драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу ее на золото, а в остальной части – легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными краткосрочными обязательствами. Эмиссия банковских билетов для выдачи краткосрочных ссуд казначейству разрешалась только в том случае, если эти ссуды обеспечены драгоценными металлами не менее чем на 50 %. Банковские билеты должны были приниматься по их нарицательной цене в уплату государственных налогов и сборов в тех случаях, когда по закону платежи выражены в золоте.

В условиях 1921–1922 гг. проблема оздоровления денежного обращения ставилась как проблема создания твердой советской валюты на золотой основе, но без золотого обращения. В написанном Лениным «Наказе по хозяйственной работе», принятом 9-м съездом Советов РСФСР в декабре 1921 года, прямо указывалось, что наша политика должна быть направлена на «...восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты» (Собр. соч. Т. XXVII. С. 142).

XI съезд партии в резолюции о финансовой политике указывал: «Для данного момента необходимо, нисколько не ставя задачи немедленного возвращения к золотому обращению, твердо установить, что наша экономическая финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег, – необходимого поскольку золото твердо остается мировыми деньгами, и поскольку это значение золота на мировом рынке находит свое неизбежное выражение и в отношениях на внутреннем рынке...» Установление золотого обеспечения банковских билетов облегчало их внедрение как устойчивой валюты во внутреннее обращение и открывало возможности в случае целесообразности, для выхода советской валюты на мировой денежный рынок.

К лету 1923 года червонец прочно внедрился в оборот в качестве твердой валюты. Количество банковских билетов в обращении возросло с 3,5 млн. руб. на 1 января 1923 года до 237 млн. руб. на 1 января 1924 года, а их удельный вес во всей денежной массе, исчисленной в червонных рублях, поднялся с 3 % до 75 %.

Наряду с эмиссией червонцев в октябре 1923 года были выпущены так называемые транспортные сертификаты купюрой в 5 рублей, которые принимались в платежи железными дорогами наравне с червонцем. Фактически сертификаты принимались в платежи не только железными дорогами; они вошли в хозяйственный оборот в качестве мелкой купюры червонца.

Быстрое внедрение банковских билетов в хозяйственный оборот и вытеснение ими совзнака, а также золота и иностранной валюты было обеспечено тем, что по закону все советские хозяйственные организации, а также финансовые органы были обязаны принимать в платежи червонцы как твердую валюту. Госбанк, выдавая своим клиентам – хозорганам червонцы, сам принимал их по всем платежам. Как правило, Госбанк требовал, чтобы кредиты, выданные червонцами, обязательно погашались также червонцами. Спрос на червонец как устойчивую валюту стал предъявлять и частный капитал, нуждавшийся в банковских билетах для расчетов с советскими хозяйственными организациями и кредитными учреждениями, а также использовавший банковские билеты, как средство накопления».

Автор: Подчеркнем следующее. Купюра с названием «червонец» теоретически должна была обмениваться на золотую монету в 10 рублей весом в 1 золотник 78,24 доли или в 7,74 г. Такие монеты (точная весовая копия царских монет) на всякий случай были отчеканены, но в обращение они так никогда и не поступили. Была введена золотая валюта без реального золотого обращения. На купюрах бумажных червонцев надпись радовала владельца: «Банковский билет подлежит размену на золото», – однако тут же сообщалось: «Начало размена устанавливается особым правительственным актом».

Тем не менее червонец всеми рассматривался как золотой и, более того, как вы увидите ниже, стоить стал дороже золотой монеты. За счет чего?

Первое. Его не печатали в безумном количестве, а строго под контролем: сколько в казначействе находится золота, иностранной валюты, ликвидного товара, а также обязательств вскоре внести в казначейство золото и валюту, – столько бумажек с названием «червонец» и печатали. Скупил Госбанк у населения дополнительное количество золотых монет царской чеканки – может отпечатать в два раза больше бумажек. И все.

Второе. Госпредприятия в своей массе превалировали над частником, и они рассматривали эти бумажки исключительно как золото. Поэтому и у населения не было необходимости смотреть на бумажные червонцы по-другому.

Третье. Торгуя этой бумагой на валютных биржах Запада, СССР отпускал за нее товары как за золото, поэтому и Запад относился к червонцу соответственно.

Но обратите внимание на остроумие большевиков. Червонец не заменил совзнак полностью – не хватало обеспечения, – и тот, ничем не обеспеченный (поскольку все активы шли на обеспечение червонца), продолжал хождение. Почему? Да потому, что червонец был очень большой суммой, его можно было использовать фактически только для очень больших и оптовых покупок. А в розничной торговле требовались мелкие деньги. И благодаря этому казначейство получало возможность совзнак печатать, компенсируя эмиссией нехватку налоговых поступлений в бюджет. И люди все равно их брали – а куда денешься? Поскольку промышленность по плану и с помощью червонца неуклонно развивалась, то было ясно, что вскоре наступит момент, когда легко ликвидный товар в своей стоимости сравняется с денежной массой и эмиссия прекратится.

Вот ведь как хорошо, когда деньгами страны занимается настоящее правительство, а не ублюдки с валютной биржи! В блокаде, без цента внешних займов (вспомните, сколько лет в 90-х годах все вопили, что России для поддержания курса рубля требуются кредиты МВФ) СССР уверенно основывал самую прочную валюту в мире, во всяком случае, рубль таковым был с 1947 г. по перестройку.

* * *

Зверев: «Параллельное обращение двух валют – падающего совзнака и устойчивого червонца не устранило ряда серьезных отрицательных явлений в денежном обращении.

Обесценение совзнаков после выпуска червонцев происходило особенно быстрыми темпами, в связи с сужением сферы их оборота. Если на 1 января 1923 года в обращении находилось совзнаков на сумму 2 млрд. рублей, то на 1 декабря того же года их количество выросло до 98,8 млрд. рублей (в дензнаках образца 1923 г.). Реальная ценность совзнака резко падала: ценность всей массы совзнаков в обращении, составлявшая в январе 1923 года около 114 млн. руб. в червонном исчислении, упала к концу года до 60 млн. руб. В результате, накануне завершения денежной реформы весь крупный платежный оборот обслуживался червонцем, а совзнак превратился в мелкокупюрное средство обращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.